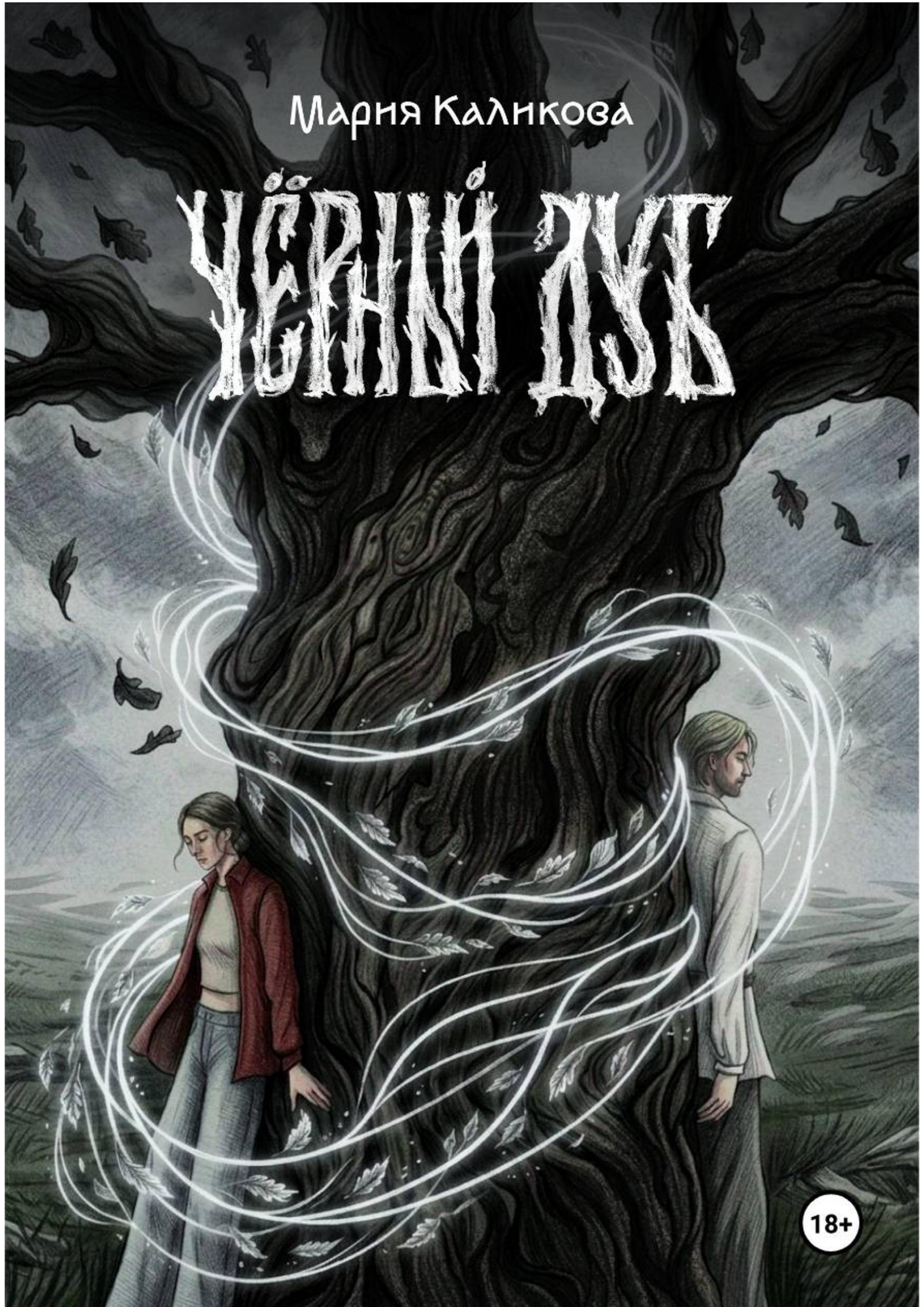

Мария Калникова

ЧЕРНИЙ ЛЕС

18+

Мария Каликова

Чёрный дуб

«Автор»

2026

Каликова М.

Чёрный дуб / М. Каликова — «Автор», 2026

Князь Мирослав невесел. Который год он ищет способ остановить скверну — черную заразу, что сжирает Верховесье и убивает каждого, кто её коснется. Источником болезни стал Родовой Дуб, сердце княжества. Древнее пророчество гласит: спасти эти земли может лишь иноземная ходница. У Мирослава есть ровно три луны до Равносвета, чтобы найти её, иначе его мир обратится в пепел. Маша — обычная современная девушка. Она рисует, увлекается эзотерикой и славянскими традициями, даже не подозревая, чем обернется её невинное хобби. В день летнего солнцестояния, прислонившись к дубу в лесопарке, она случайно проваливается сквозь время и оказывается в древнем Верховесье. Её принимают за ту самую предсказанную спасительницу, но у Маши нет магии. Местным интригам, суровым законам и чужой жестокости ей предстоит противопоставить лишь собственную выдержку. В тереме князя каждый ведет свою двойную игру, и девушке придется притворяться той, кем она не является, чтобы просто выжить.

© Каликова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Каликова

Чёрный дуб

Пролог

Скверна распространялась по земле, пожирая все живое на своём пути.

Там, где еще вчера колосилась рожь, теперь расстилалась мертвая, черная пыль. Растения обугливались за считанные мгновения, превращаясь в серый призрачный пепел, который ледяные порывы злого ветра разносили по округе, забивая глаза и легкие.

Земля, когда-то бывшая кормилицей, обернулась лютым врагом. Те, кто по глупости или отчаянию ступал босыми ногами на зараженную почву, вскрикивали от боли: плоть мгновенно покрывалась черными, незаживающими язвами. Смерть приходила не сразу, она смаковала каждый вдох несчастных. Сначала начинался сухой, надсадный кашель, а следом – мучительное удушье, будто невидимая петля затягивалась на горле.

Поначалу крестьяне, обезумев от ужаса, пытались поить землю водой, молили о дожде, принимая скверну за небывалую засуху. Но вода бесследно исчезала в жадных трещинах, не принося облегчения. А потом начался падеж. Скотина помирала первой: коровы ссыхались прямо в стойлах, превращаясь в обтянутые кожей скелеты за одну ночь. Поврежденная земля жадно высасывала соки из всего живого, тщетно пытаясь залечить собственные раны чужими жизнями. Но этой жертвы ей было мало.

Люди, бросая нажитое, в спешке грузили скарб на телеги и уходили прочь от родных пепелищ. Они бежали от матушки-земли, которая вдруг стала мачехой, холодной и беспощадной.

А зараза все ползла и ползла следом, набирая скорость и сжигая все на своём пути.

Глава 1

Взгляд князя замер устремился к очертаниям того, что некогда было сердцем Верхолесья. Великий Дуб, казалось, стал еще дальше – черная пустота скверны отвоевала у живого мира очередные несколько саженей.

Когда-то он был живым столпом их рода – раскидистый исполин, чья крона подпирала само небо, а корни питали силой каждого, в ком текла княжеская кровь. Не в золоченых палатах и не под сводами терема решались судьбы этих земель: здесь, у подножия древнего древа, мужей венчали на княжение, замирая в ожидании благословения.

Мирослав до сих пор помнил тот день, когда его, совсем юного, привели к Дубу. Он помнил торжественный, одобряющий шелест густой листвы и два тяжелых золотистых желудя, упавших прямо к его ногам – знак, что земля приняла своего защитника.

Как же бесконечно давно это было...

Теперь от могучего древа остался лишь обугленный, изуродованный остов и воздетые к небу сухие черные ветви, похожие на костлявые пальцы мертвеца. С него – с самого сердца – и началась скверна. И он один, будто в злой насмешке над людьми, устоял. Не рассыпался в прах, как сады и дубравы окрест, а застыл зловещей глыбой посреди выжженного поля.

Чернота тронула Дуб три зимы назад. Помнил он ту осень: листья не позолотели, как прежде, а в одночасье истлели, обратившись в склизкую гниль. Тяжелые, налитые соком желуды градом осыпались наземь – черные, сморщенные, мертвые. А следом по коре, от самых корней, поползла гарь, будто от невидимого, подкожного пламени.

Мирослав тогда рвал и метал. Он был уверен: это поджог, коварство врагов или безумство предателей. Князь едва не вздернул на воротах кметов, что несли дозор в священной роще – те клялись всеми богами, что ни искры, ни дыма не видели.

Страшная истина открылась позже: никто ничего не жег. Древо умирало само, изнутри, пораженное неведомой хворью, против которой были бессильны и топоры, и заговоры. С каждым днем оно усыхало, корчась в невидимых муках, пока не превратилось в уродливое подобие себя самого – черное, кривое, источающее тлен.

Особенно жутко дерево выглядело зимой. Посреди девственно-белых сугробов и припудренных инеем берез дуб высился обугленной язвой, чужеродным шрамом на теле леса. Родовой Дуб. Его Дуб.

Поползли по Верхолесью ядовитые шепотки да кривотолки. Люди складывали пальцы в защитных знаках и плевали через плечо: недоброе это знамение, коли Великий Дуб, заступник княжеский, в разгар зимы за одну луну истлел без огня. А когда вокруг древа внезапно вытаял снег, обнажив мертвую плоть земли, и молодые березки по соседству начали сохнуть, осыпаясь серой золой, народ и вовсе решил – проклят весь род Мирослава. И всё княжество вместе с ним.

Припомнили князю всё. И то, что младшим сыном был, а значит, не по праву стол занял. И давнюю, кровавую ссору с братом обсасывали в каждой корчме, вновь и вновь твердя, что не видать Мирославу наследника, раз ни одна здоровая девка понести от него не может. Смута поднялась страшная, темная. Пришлось силой гнать мятежников и изменников, что решили поживиться на народном страхе. Среди тех, кто точил нож за спиной, оказались и свои – те, с кем из одной чаши пил: дружинники, верные советники...

Нет их теперь. Лишь курганы без имен да тяжесть на сердце.

А Дуб этот почерневший, будь он трижды неладен, – стоит. Застыл немым укором своему подопечному, которого венчал пять зим назад, и будто насмехается над его бессилием.

Мирослав с досадой сплюнул на черную землю. Почва, словно живая и обиженная, с негромким шипением впитала влагу за мгновение. Князь вздрогнул, резко развернулся и размашистым шагом направился к коню.

Гнедой жеребец, оставленный на безопасном расстоянии от границы мертвой зоны, тревожно всхрапнул и забил копытом, почуяв приближение хозяина. Мирослав одним движением взлетел в седло. Конь, чутко уловив ярость и горечь наездника, резко сорвался в галоп, унося его прочь от проклятого места, в сторону затаившейся столицы.

Вернувшись в Стародуб, Мирослав спрыгнул на землю, коротко хлопнул гнедого по взмыленному боку и перебрросил поводья подбежавшему конюху. Сам же, не оборачиваясь, зашагал через детинец к дружинной избе.

Город гудел, как встревоженный улей, но на этот раз – празднично. Стародуб готовился к летнему Солнцевороту. Повсюду сновали слуги и челядь; за городскими стенами, на крутом берегу реки, мужики уже возводили остовы исполинских костров, таская тяжелые смоляные бревна. Девушки и вовсе пропали с глаз – верно, еще с рассвета ушли в луга собирать заговоренные травы, плести венки да ладить наряды.

Над теремом плыли густые, дразнящие ароматы свежего хлеба и сдобы – поварихи вовсю готовили богатый стол. Мирослав невольно втянул носом воздух, и в желудке предательски заурчало, напоминая, что с самого утра он не маковой росинки во рту не видел. Но князь лишь жестко тряхнул головой, отгоняя мысли о еде. Не до пирогов сейчас, когда земля под ногами тлеет.

У входа в детинец он заметил бочку с дождевой водой. Не раздумывая, Мирослав сбросил корзну и с размаху окунул голову в холодную глубь. Вынырнул, с шумом отфыркиваясь и разлетаясь брызгами, точно лесной зверь.

Он надеялся застать здесь Златомира, но воеводы на месте не оказалось. Видно, охотники еще не воротились из чащи. Мирослав не сомневался: отряд добудет и знатную дичь к пиру, и пушнину для жертвенных костров – в умении Златомира бить зверя без промаха сомневаться не приходилось.

Услышав хлопанье дверей и звонкие голоса, долетавшие с поварни, князь ускорил шаг. Он почти взбежал по лестнице с резными перилами и, воровато оглядываясь, точно провинившийся отрок, прошмыгнул в свои покои. Затворил тяжелую дубовую дверь и только тогда шумно выдохнул.

Прислонившись затылком к прохладному дереву, Мирослав усмехнулся собственной нелепости. Подумать только: грозный правитель Верхолесья крадется по собственному терему, лишь бы не попасться на глаза Добраве. Стоило той прознать, что князь вернулся, но к обеду не явился – и она самолично притащила бы его к столу, попутно причитая и кляня за «голодовку».

Для Добравы, главной хозяйки и бессменной кормилицы терема, не существовало ни чинов, ни титулов. В её глазах он оставался всё тем же щуплым младшим княжичем, который вечно забывал о еде, зарывшись носом в старые свитки в библиотеке. Тогда она посылала к нему прислужниц с полными подносами, а случалось, и сама отлавливала во дворе, за шиворот уволакивая на кухню.

Вынырнув из теплых воспоминаний, Мирослав помрачнел. Он торопливо скинул с себя дорожное платье и переделся в чистую рубаху и порты. После каждой поездки к Дубу одежда пропитывалась едкой черной пылью – она въедалась в ткань так густо, будто князь не пару часов провел в седле, а седмицами скакал по выжженным пустошам. Эта мертвая грязь напоминала о себе повсюду, как тень, которую невозможно отсечь.

Взгляд упал на массивный дубовый стол, где привычной горой высились свитки.

«Что ж, княжьи обязанности никто не отменял», – угрюмо подумал Мирослав и тяжело опустил на стул. Взял первый попавшийся пергамент, пробежал глазами – помрачнел. Вто-

рой, третий... С каждой строчкой о нехватке зерна, падеже скота и черных пятнах на дальних рубежах его лицо становилось всё мрачнее.

Рука сама собой потянулась к потайному отделению под столешницей. Пальцы нашарили узкий свиток, и князь вытянул его на свет. Кожа пергамента была уже помятой от частого чтения, а чернила поблекли, утратив прежний блеск. Глаза в тысячный раз впились в проклятые строки, которые он и так знал назубок.

– Где велю её взять?! – прорычал он в пустоту комнаты, не дочитав последние слова. – Не боги же с неба её кинут, чаровницу проклятую!

Мирослав резко вскочил. Стул с грохотом отлетел назад. В два шага он оказался у печи и яростным движением швырнул скомканный лист в огонь. Пергамент мгновенно потемнел, края его свернулись, и пламя жадно пожрало пророчество.

Так же быстро, как сгорела бумага, истлела и внезапная вспышка гнева.

«Не жалко. Всё одно на сердце каленым железом выжжена каждая строчка», – подумал он, пытаясь унять ворчание проснувшейся совести. – «Веледар новый свиток сделает, коли нужда будет».

Князь вернул стул на место и снова погрузился в разбор донесений, то и дело хмурясь и вполголоса ворча ругательства.

Спустя две лучины за окном послышался оживленный гул: смех дружинников, бодрое ржание коней и лязг оружия. В коридоре раздались тяжелые, быстрые шаги, и дверь в его покои резко распахнулась.

Глава 2

Это был тот самый день, когда всё накопилось, и спокойно жить дальше было уже невозможно. В такие моменты хотелось бросить всё, свернуться где-нибудь калачиком и просто смотреть в одну точку. Хотелось, чтобы кто-то пришел, пожалел и решил все проблемы разом. Но у Маши так никогда не бывало. Она привыкла справляться со всем сама, да и помогать ей было некому.

Поэтому было принято стратегическое решение: поехать в лес. Эти редкие побег от городской суеты и шума лучше всего помогали перезагрузиться. Девушка быстро оделась, выскочила на улицу, и почти сразу подошла нужная маршрутка.

Пока маршрутка тряслась по колдобинам, Машу донимали безрадостные мысли. В салоне было душно и пыльно. Как назло, окна были не тонированные, и яркое солнце слепило прямо в глаза, добавляя раздражения. А ведь она ехала, чтобы развеяться и отдохнуть! Но пока становилось только хуже. На повороте маршрутку сильно мотнуло в сторону, и какая-то грузная женщина с пакетами наступила девушке на ногу. Маша скривилась от боли и недовольно посмотрела на нее. Женщина, почувствовав этот тяжелый взгляд, что-то невнятно пробормотала.

«Допустим, извинилась», – подумала Маша и отвернулась к окну, провожая взглядом речку, которую они проезжали по мосту.

Маша задумчиво заправила выбившуюся прядь и снова ушла в себя. Видимо, её накрыл кризис четверти жизни – сразу за неоконченным кризисом двадцати лет. В свои двадцать четыре она не могла описать своё состояние иначе.

Временами она искренне считала себя неудачницей. Добивала себя сравнениями со знакомыми, которые, в отличие от неё, казались успешными и реализованными. По крайней мере, со стороны всё выглядело именно так. Одни выходили замуж и постили счастливые фото с детьми, другие покупали дорогие машины – и откуда только деньги? – третьи каждые полгода мотались по Европам, открывали бизнес, строили карьеру в столице и далее по списку.

А Маша тряслась в душной маршрутке. Своей квартиры нет, от родителей съехала совсем недавно и с трудом сводила концы с концами. В своём маленьком городе она зарабатывала меньше всех знакомых. А всё потому, что четыре года назад психанула, решила: «никакого больше найма» – и уволилась одним днем. Потом были провальные попытки зацепиться в Москве и долгий поиск себя.

Только полтора года назад она нащупала то, что ей действительно нравилось. Вообще-то Маша была способной, любила учиться и обычно добивалась своего, но с материальными целями вечно что-то не ладилось.

Сейчас она вела блог, изучала фольклор и делала расклады на таро. Её всегда тянуло ко всему таинственному. Еще в детстве, на ночевках у бабушки, они вместе смотрели шоу про экстрасенсов, обсуждали астрологию и жуткие мистические истории. А совсем недавно Машу буквально «понесло» в магию. Теперь она сама крутила заговоренные свечи, и её необъяснимо тянуло в пороговые места – в глухие леса и на старые кладбища.

Интересно, что сказала бы её учительница русского языка из гимназии, увидь она Машину жизнь сейчас? На неё ведь ставили такие надежды: отличница гуманитарного класса, вечная олимпиадница. Ей прочили лучшие филологические вузы страны, а она взяла и ушла после девятого класса, поступив на дизайнера в техникум. Просто потому, что всю жизнь обожала творчество и с начальной школы не выпускала из рук карандаш.

Маша невесело усмехнулась: «А что сказали бы преподаватели из училища?» Они ведь тоже прочили ей блестящую карьеру – красный диплом как-никак. Но нет. Вместо макетов и правок Маша всё отчетливее чувствовала себя ведьмой.

Единственное, чего ей по-настоящему хотелось – это уехать в глухой лес, поселиться в избушке и просто колдовать. Подальше от счетов за коммуналку, бесконечной гонки за деньгами, маркетинга и охватов в соцсетях...

А иногда она ловила себя на мысли: «Хочу быть попаданкой, как в тех книжках». Сколько раз Маша представляла себя на месте героинь, которые оказываются в мире, где магия – это реальность, а рядом – какой-нибудь суровый князь, который обязательно в неё влюбится. Да бог с ним, с князем! Дайте ей саму магию, возможность менять реальность по своей воле. Просто избавьте её от этой серой, непонятной жизни, от тоски по мирам, в которых она никогда не была...

Маршрутка въехала в очередную колдобину, и Машу тряхнуло, выбив из тяжелых мыслей. Пора было пробираться к выходу. Кое-как протиснувшись сквозь толпу и пару раз наступив кому-то на ноги под невнятное бормотание извинений, она буквально вывалилась из душного салона на остановку.

Холодный глоток свежего воздуха и резкое дуновение ветра подействовали мгновенно. Маша почувствовала, как тугий узел раздражения в груди начал распускаться, а негативные мысли – прятаться куда-то вглубь, затихая до следующего раза.

Лес начинался сразу за остановкой. Или это остановка стояла на самом краю иного мира – как посмотреть. Маша сошла с разбитого тротуара на мягкую землю и шагнула на тропинку. Спустя пару минут ходьбы городские звуки приглушились, словно кто-то выкрутил громкость на минимум. Еще немного – и они исчезли вовсе. Лишь изредка откуда-то издалека доносился шум машин, проносящихся по трассе, но и он казался чужим, ненастоящим.

Вот оно. То самое чувство, ради которого она сюда ехала.

Постепенно широкая, вытоптанная дорожка рассыпалась на узкие тропинки. Маша сворачивала наугад, не задумываясь – она не раз гуляла здесь и знала, что не заблудится. Лес был небольшим, со всех сторон поджатым городом, эдакий зеленый островок среди бетона.

В какой-то момент тропинка вывела её на небольшую поляну. Солнечный свет дробился в листве, рассыпаясь по веткам яркими зайчиками. Здесь было заметно прохладнее, чем на раскаленных улицах. Маша поправила рубашку, запрокинула голову к небу и медленно обернулась вокруг себя. Стволы деревьев уходили высоко вверх, к ярко-голубому простору, и при каждом порыве ветра казалось, будто они переговариваются о чем-то своем. Где-то в глубине леса мерно застучал дятел, и почти сразу ему ответил другой, совсем рядом. В кронах шумела листва, невидимые птицы перелетали с ветки на ветку, не спеша спускаться к земле.

В такие минуты Маше казалось, что всё только начинается и вся жизнь еще впереди. Она с наслаждением вдыхала лесную свежесть – редкая прохлада в конце июня была для неё настоящим подарком, ведь жару она терпеть не могла.

Маша окинула поляну взглядом и заметила неподалеку старый пенёк. Достала из сумочки конфету, развернула и аккуратно положила на ровный, пахнущий трухой спил.

«Хозяин леса, благодарю за гостеприимство», – мысленно произнесла она.

Она всегда оставляла лесу небольшой дар, всегда здоровалась и прощалась с местным духом. Пусть со стороны это и казалось странным, Маша верила в эти правила. Особенно после того случая, когда она кружила здесь почти час, пытаясь выйти к сосновому холму с видом на город, а в итоге оказалась на том же месте, откуда заходила в лес. Тогда она всерьез попросила Хозяина не играть с ней, а проводить к соснам – и уже через десять минут была у цели.

Оставив угощение, Маша побрела вглубь леса к массивному дубу, который сразу притянул её взгляд. Подойдя ближе, она по привычке пошарила носком кроссовка в траве, выискивая прошлогодние желуди, но вовремя вспомнила, что на дворе июнь.

Она протянула руку и коснулась ствола. Шершавая, испещренная глубокими бороздами кора завораживала – природные узоры хотелось рассматривать бесконечно, угадывая в них очертания неведомых стран. Маша плотно прижала ладони к дереву. Кора, нагретая полуден-

ным солнцем, щедро отдавала накопленное тепло, и это прикосновение странным образом успокаивало.

Повинуясь внезапному порыву, девушка развернулась к дубу спиной и плотно прислонилась к нему. Вспомнилось какое-то видео из соцсетей, где советовали «заряжаться» от деревьев именно так: прижимаясь позвоночником к стволу. Мол, только так можно по-настоящему заземлиться, выровнять энергетику и получить подпитку от природы.

Маша закрыла глаза, чувствуя, как твердая опора дуба забирает из её тела остатки городской суеты и тяжесть безрадостных мыслей. Она выдохнула, позволяя себе полностью расслабиться и довериться этому древнему исполину.

Маша прикрыла глаза и глубоко выдохнула. Вот он – идеальный и совершенно бесплатный трек для медитации, приходи и слушай. Шелест листы, мерный скрип веток, щебет птиц и солнечные зайчики, оставляющие причудливые узоры на сомкнутых веках. Мысли наконец уплыли куда-то далеко, наполняясь светлыми, почти забытыми мечтаниями.

Простояв так несколько минут, Маша открыла глаза и часто поморгала, прогоняя цветные пятна от яркого света.

Что-то неуловимо изменилось. Воздух стал плотнее и как будто горячее. Девушка сделала пару шагов от дуба и настороженно огляделась. Лес вокруг казался тем же, но тишина стала какой-то... ватной.

«Опять эта тревожность на пустом месте, – одернула она себя. – Откуда ей взяться? Я же только что успокоилась, всё хорошо. В любом случае, пора возвращаться, погуляла и хватит».

Она поправила рубашку и направилась дальше по тропинке, к сосновому холму. Там лес заканчивался, и можно было быстро спуститься в город, к привычному асфальту и шуму машин.

Неожиданно совсем рядом послышались мужские голоса. Маша вздрогнула – после глубокой лесной тишины звуки чужой речи всегда били по ушам слишком резко.

«Наверное, дачники из оврага поднялись», – отстраненно подумала она, не замедляя шага. Лес здесь был испещрён тропинками, шансов столкнуться лоб в лоб – один на миллион. Но голоса стремительно приближались, и через мгновение из-за густых клёнов вышли двое парней, о чем-то жарко споря на ходу.

– Да говорю же тебе, попал бы! Коли б Михайло под руку не подкрался! – возмутился один, размахивая руками.

– Коли-коли... – передразнил второй, усмехаясь. – Как ты на зверя охотиться мыслишь, ежели даже шагов Михайловых за спиной не чувствуешь?

Маша мельком взглянула на них, невольно отмечая странный вид «дачников». На парнях были тяжелые старинные одежды: грубые рубахи, подпоясанные кожей, и плащи, которые выглядели слишком натурально для маскарада. «Историческая реконструкция, что ли?» – пронеслась первая логичная мысль. Она тут же одернула себя: современная молодежь в чем только не ходит, вон, неформалы и не такое нацепят.

Хотя добротные колчаны с настоящими перьевыми стрелами за спинами – это всё-таки перебор даже для ролевиков.

Маша вежливо отступила чуть в сторону, освобождая тропинку и стараясь не привлекать внимания. Именно в этот момент парни замолчали, заметив её, и резко, как по команде, остановились.

– Что се есть?.. – парень, который только что оправдывался, застыл, во все глаза уставившись на Машу.

– Не «что», а «кто», болван. Опять чужих шагов не учуял, на следующую охоту тебя точно не возьмут! – поддел его товарищ, хотя и сам выглядел не менее ошарашенным.

– Ты откуда здесь взялась? – спросил первый, бесцеремонно разглядывая девушку с ног до головы, задерживаясь взглядом на кроссовках и странной ткани её джинсов.

– Гуляю... – буркнула Маша.

От их пристального, тяжелого внимания по спине пробежал холодок. Парни выглядели слишком внушительно, и их одежда – пахнущая костром, кожей и потом – совсем не походила на театральные реквизиты. Она уже хотела обойти их по широкой дуге, но второй парень преградил дорогу, цепко тронув её за локоть.

– погоди, девка... погоди!

Маша резко дернула рукой, сбрасывая чужую ладонь.

– Не трогай меня! – прикрикнула она, вкладывая в голос всю свою городскую уверенность, хотя сердце уже пустилось вскачь.

Парень снова подался к ней, открыв рот, чтобы что-то спросить, но в этот момент лес прорезал резкий призывный свист, а следом раздался властный окрик:

– Ратша! Вит! Где вы там застряли?!

Один из парней, не сводя с Маши настороженного взгляда, крикнул в ответ:

– Здесь мы! Тут это... девка!

– Какая еще девка?! – раздраженный голос приближался, сминая кусты. – Вконец вам головы напекло, али воздуха лесного передышали?

Парень, ляпнувший про девку, тут же втянул голову в плечи и отвел взгляд, явно опасаясь затрещины. Наконец, из-за тех же густых клёнов вышел и сам зовущий.

Это был высокий, хорошо сложенный молодой мужчина с правильными чертами лица и копной черных волос. Одет он был в том же стиле, что и двое парней, но его черная рубашка из добротного полотна выглядела куда богаче, а на широком кожаном поясе в ножнах покоился внушительный нож. Судя по властной осанке и тому, как притихли парни, – это был их старший.

Маша нервно сглотнула, кусая губы. Она отчаянно ждала, когда этот «исторический цирк» закончится, когда эти ряженые мужики наконец пропустят её, и она выйдет из леса к привычным панелькам. Тревога скрутила живот тугим узлом. Хотелось верить, что они её не тронут, но тяжелые взгляды незнакомцев говорили об обратном. Маша невольно запахла края рубашки, стараясь скрыть полоску кожи между коротким топом и джинсами – один из парней так и пялился на её голый живот, будто увидел нечто заповедное.

Темноволосый мужчина уже занес руку для тяжелой оплеухи провинившемуся юноше, но так и замер. Ладонь повисла в воздухе.

– Что се есть такое... – выдохнул воевода, наконец совладав с голосом и во все глаза уставившись на Машу.

– Не «что», а «кто»... – еле слышно буркнул шутник, получив-таки чувствительный тычок в бок от товарища.

Рука темноволосого мужчины опустилась. Он медленно, с тяжелым прищуром окинул девушку взглядом, задержавшись на странной синей ткани её джинсов и белых подошвах кроссовок.

– Не серчай на этих баламошек за речь их непутевую, – заговорил он уже спокойнее, но в голосе звенела сталь. – Как здесь оказалась, красна девица?

«Да что же это такое!» – раздраженно подумала Маша. Терпение лопнуло.

– Вам какая разница? – резко бросила она, вскинув подбородок. – Дайте уже пройти!

Она решительно шагнула вперед. На этот раз парни, опешив от такой наглости, расступились. Маша успела сделать несколько шагов, прежде чем ей в спину прилетело:

– погоди. Не для прогулок место это. Зверь тут ходит лютый, недобрый. Может, заплутала ты?

Маша замерла. Воевода подошел ближе – он был на голову выше её и пах лесом и старым железом. Он заглянул ей в глаза и мягко, почти вкрадчиво спросил:

– С какого ты града будешь?

– Вы издеваетесь? Это прикол какой-то? – Маша окончательно вышла из себя. – Здесь один город на двести километров вокруг!

Парни недоуменно переглянулись, а темноволосый мужчина задумчиво прищурился, будто пробовал её слова на вкус.

– Ох и говор у тебя странный, девица... – медленно проговорил он. – Не лгу я и не глумлюсь. Твоя правда – один тут град на все Верхолесье. Стародуб, столица княжеская. И другого здесь отродясь не бывало.

Маша набрала в груди воздуха, чтобы высказать всё, что думает об их «княжеских столицах», но не успела. Из-за густых кустов вышли еще двое – мужчины гораздо старше, в тяжелых одеждах и с лицами, иссеченными морщинами.

– Погрузили всё на коней, Златомир. Готовы трогаться, тебя лишь ждем, – один из вошедших мельком, без особого интереса, мазнул взглядом по Маше, будто она была лесной корягой, а не человеком в странной одежде.

«Златомир? Серьезно? Попроше имя себе придумать не мог?» – подумала Маша с едкой иронией, пытаясь за этим щитом скрыть нарастающую панику.

Мужчины замолчали, выжидательно глядя на своего старшего. Тот коротко кивнул им, развернулся в ту сторону, откуда они пришли, и бросил Маше через плечо, даже не оборачиваясь:

– С нами поедешь, красна девица. В граде разберемся, чьих будешь.

Маша от такой наглости едва не задохнулась. Она фыркнула, демонстративно сложила руки на груди и осталась стоять на месте. Не хватало еще ходить по лесам с какими-то подозрительными мужиками! Она провожала взглядом их удаляющиеся спины, уверенная, что сейчас они просто уйдут, и этот бред закончится.

Но через десяток шагов Златомир остановился. Он обернулся и, судя по вскинутым бровям, искренне изумился тому, что девчонка не поплелась следом, как миленькая. Его лицо потемнело. Тяжелым, размашистым шагом он вернулся назад и буквально навис над Машей, заслоняя собой солнце.

Девушка невольно вжала голову в плечи – от него веяло нешуточной силой, что коленки предательски дрогнули.

– Послушай, ягодка. Видно, не уразумела ты еще, где оказалась, – Златомир чуть склонил голову, разглядывая её с любопытством. – Вижу одежды твои заморские, да нрав крутой.

Он внезапно усмехнулся, и на его щеке на миг промелькнула вполне добродушная ямочка, но голос тут же снова стал серьезным:

– Зла тебе не желаю. Меня и людей моих не бойся – не тронут. А вот звери лесные не столь разборчивы будут, коли здесь останешься. Провожу тебя до града, а там и поглядим.

Видя, что его речи не производят на девчонку ровно никакого впечатления, он обернулся и махнул рукой своим людям, застывшим неподалеку: мол, идите к коням, догоним. Снова повернувшись к Маше, он понизил голос:

– Давай так: доведу тебя до Стародуба. А коли не понравится там или решишь, что все же пустоголовый я – сам тебя обратно на это же место приведу. Клянусь.

Он замер, выжидательно глядя на неё. Маша в это время лихорадочно прокручивала в голове всё, что когда-либо читала о маньяках и технике безопасности. Бежать вглубь леса бессмысленно – их шестеро, все вооружены и знают каждую корягу. Догонят в два счета, а там – в лучшем случае прирежут.

«Ладно, – решила она, стараясь унять дрожь в коленях. – Буду тихой и покладистой. Дойдем до города, а там люди, магазины, камеры... Забегу в первый попавшийся супермаркет, там помогут».

Эти мысли стремительно пронеслись у нее в голове, и Маша коротко, едва заметно кивнула.

– Вот и ладно, – Златомир облегченно выдохнул, и его плечи наконец расслабились.

Златомир повел Машу сквозь густые заросли к стоянке. Чем дальше они шли, тем отчетливее становились звуки, которых в обычном пригородном лесу быть просто не могло: залихватистое ржание, лязг металла о металл и низкий гул мужских голосов.

Когда они вышли на широкую поляну, у Маши перехватило дыхание. Их ждало не пять человек, а не меньше двадцати. Настоящее войско: от совсем юных парней, едва разменявших семнадцатую зиму, до заматеревших воинов с лицами, иссеченными шрамами. Все они по одному кивку Златомира слаженно приумолкли и начали рассаживаться по коням.

Воевода подвел девушку к единственному оставшемуся жеребцу – мощному вороному красавцу. Он ласково потрепал коня по густой гриве и обернулся к Маше:

– Приходилось ли в седле сидеть прежде?

– Один раз... – кивнула Маша, с опаской оглядывая огромное животное. – Я их боюсь.

Златомир добродушно хохотнул, отчего кони поблизости испуганно прыгнули ушами.

– Пустое то, ягодка! Стерпится – свыкнется, а до града путь не ближний. А ну-ка, подай руку – посажу.

Он протянул широкую, мозолистую ладонь, но Маша лишь упрямо замотала головой, отступая на шаг.

– Я лучше пешком.

– Гляди-ка, какая упрямица! – Златомир снова усмехнулся, но в глазах мелькнуло уважение. – Коль так, то и я пешь пойду. Негоже, что все на конях, а девица позади в пыли плетется.

С этими словами он дважды хлопнул вороного по крупу. Жеребец, звонко всхрапнув, пристроился в хвост отряду.

– Пешь так пешь, – вздохнул Златомир и зашагал по узкой тропе впереди, то и дело оглядываясь на Машу, чтобы та не вздумала отстать или свернуть в кусты.

Глава 3

Пока они продирались сквозь чащу, Маша лихорадочно прикидывала маршрут. Судя по солнцу, шли они в обратном направлении – к той самой остановке, где она вышла из маршрутки. Это давало слабую надежду: там люди, там можно поднять крик и позвать на помощь.

Но спустя пятнадцать минут тревога, притаившаяся было внутри, снова впиалась в затылок. Шли они быстро, размашисто, но деревья и не думали редеть. Хуже того – шум трассы, который раньше нет-нет да доносился из-за леса, исчез окончательно. В голове зароились мысли одна страшнее другой. Заблудились? Да нет, не похоже – Златомир шагал уверенно и весело насвистывал какой-то незатейливый мотив. Значит, намеренно уводит в сторону от города?

– Долго еще идти? – решила спросить Маша, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Да еще с пол-лучины, не более, – бросил через плечо Златомир, даже не замедлив шага.

Маша мысленно перевела: «пол-лучины» – около пятнадцати минут. Как любитель фольклора она знала эту меру времени, но слышать её здесь, в реальном разговоре, было странно. Словно она внезапно оказалась внутри собственных исследований и исторических книг.

Так они и тащились: воевода впереди, а Маша следом, невольно буравя его широкую спину тяжелым взглядом и прокручивая в уме сценарии – один катастрофичнее другого. В какой-то момент мужчина забавно повел плечами, будто отряхиваясь, и обернулся с широкой ухмылкой:

– Дырку проглядишь в спине, не иначе! Ох и тяжел взор твой.

Маша покраснела и насупилась, пряча смущение. Златомир же притормозил, дождался, пока она поравняется с ним, и пошел вровень. Лес наконец начал редеть, вековые дубы расступились, пропуская их на простор, где тропа становилась шире.

– Как звать тебя, ягодка? – спросил он.

Маша хотела было огрызнуться – мол, какая она ему ягодка, и вообще, не его дело, – но вовремя прикусила язык. Лучше не злить человека, который ведет тебя по лесу, имея при себе внушительный нож и колчан стрел.

– Маша, – буркнула она, глядя под ноги.

– Меня Златомиром кличут, для друзей – Злат, – подмигнул ей мужчина.

Маша лишь вздернула бровь и скептически усмехнулась. «Друзья», как же.

Деревья тем временем редели, стволы становились тоньше, и теперь впереди отчетливо виднелись спины воинов и крупы лошадей. Шум трассы так и не появился. Маша настойчиво убеждала себя, что топот копыт и гомон двух десятков мужиков просто заглушают звуки редких машин.

– Ведать желаешь, ягодка, что мы в лесной тиши деяли? – Златомир покосился на девушку и, не дождавшись никакой реакции, продолжил. – Охотились мы. Ночью нынешней дары сии – меха куньи да соболя – на требный камень падут.

– Жертва что ли? Зачем? – невольно включилась в разговор девушку. Совсем игнорировать мужчину было странно, мало ли что он выкинет, вдруг разозлится.

– Так Солнцеворот, – хмыкнул Златомир, будто Маша спросила какую-то банальность, которую даже дети знали.

«Солнцеворот».

Какое-то важное осознание замаячило на задворках сознания, но не успело сформироваться во что-то определенное. В этот миг деревья расступились, и весь отряд наконец вышел из леса на открытое пространство.

То, что увидела Маша, заставило её внутренности сжаться в тугой, болезненный узел. Тревожный спазм сковал дыхание.

Они стояли на высоком холме – с него открывался вид, от которого у любого ценителя красоты захватило бы дух. Но Маша не могла восхищаться. Она отчаянно пыталась осмыслить увиденное, но разум буксовал, отказываясь принимать действительность.

Слева от холма поблескивала на солнце широкая голубая лента реки. А прямо под ними, на равнине, раскинулся город. И это не был её родной город. Это была ожившая иллюстрация из учебника истории: хаотичное нагромождение бревенчатых изб, островерхие крыши теремов и мощный деревянный детинец, обнесенный высокой бревенчатой стеной с дозорными башнями.

Ни одной линии электропередач. Ни одной вышки сотовой связи. Ни одного клочка асфальта или бетона. Только золото соломенных крыш, серое дерево срубов и бесконечная, пугающая зелень полей до самого горизонта.

Между городскими стенами сновали крошечные фигурки людей, катились повозки, группами расходились к реке и лесу. С такого расстояния всё казалось маленьким и игрушечным, от того и ненастоящим.

Маша потерянно перевела взгляд на Златомира, потом обернулась на лес, из которого они только что вышли, и снова уставилась вниз, на чужое, древнее поселение.

– Это что такое... – к ней наконец вернулся дар речи, а вместе с ним и звуки.

Она и не заметила, как в момент шока мир вокруг стал немым. Теперь же шум ветра, ржание коней и далекий перезвон из города обрушились на неё разом. Маша всматривалась в лицо Златомира, надеясь, что если зацепиться за него взглядом, то морок рассеется, картинка дрогнет и обернется привычными панельками и асфальтными дорогами.

Воины тем временем уже начали спускаться по склону. Некоторые с любопытством обращались на «чуждую девку», другие замерли рядом со Златом, ожидая команды.

– Се град наш стольный, Стародуб – во всей красе пред тобой, ягодка, – торжественно произнес воевода, пристально изучая её побелевшее лицо. – С миром входи!

Маша нервно помотала головой, пятясь назад:

– Да ну нет...

И еще один шаг назад. Сейчас она вернется под кроны леса, и все станет как раньше. Это все какая-то шутка, какой-то бред. Этого просто не может быть. Наверное, она заснула под дубом – сейчас проснется и вернется домой. И не будет никаких мужчин в старинных одеждах и никаких княжеств. Она что, в книжку попала? Невозможно.

Златомир, видимо, прочитав в её расширенных зрачках запредельный ужас, в два широких шага оказался рядом. Он осторожно, но крепко перехватил её за плечи и заставил заглянуть себе в глаза:

– Вижу, напугана ты, и не разумеешь, как здесь оказалась. И я не ведаю. Пойдем же до княжьего терема и все там рассудим?

Маша попыталась вырваться, дико оглядываясь на лес – её единственную ниточку к дому, – но воевода удержал её на месте, не давая сбежать в чащу. Он мягко, но настойчиво развернул её обратно к городу.

– Лес там один, и боле ничто. Пойдем со мной, молю тебя.

Взгляд Златомира оставался цепким и сочувствующим. Он замер, готовый и дальше умирять её страх тихими речами, лишь бы она не метнулась обратно в чащу, где пропадет в два счета. Пауза затянулась. «Гляделки» становились уже неловкими, почти странными, и в этот миг на Машу внезапно накатила свинцовая, парализующая усталость.

Всё стало безразлично. Страх, шок, неверие – всё выцвело, оставив лишь пустоту. Возвращаться в лес, который так вероломно выкинул её в иную реальность, было глупо и опасно.

Психика, спасая саму себя от перегрузки, стремительно выключила все эмоции. Для неё сейчас самым простым и понятным действием было просто переставлять ноги.

Маша едва заметно кивнула, соглашаясь на его условия.

Златомир, почуяв перемену в её настроении, наконец отступил, давая ей немного личного пространства. Он развернулся и начал спускаться по склону. Его люди были уже далеко внизу – загонщикам и охотникам не терпелось сдать оружие, передать добычу в коптильни и выкроить пару часов на отдых перед большим пиром в честь Солнцеворота.

Ноги Маши подкашивались и едва слушались. Спускаясь по крутому склону, она пару раз опасно спотыкалась и наверняка бы кубарем полетела вниз, если бы Златомир вовремя не подхватывал её под локоть. Состояние было пограничным, предобморочным – когда весь огромный мир внезапно сужается до одного-единственного шага.

Всё вокруг размывалось, теряя четкость и смысл. Маша шла, опустив взгляд, и видела только примятую траву, сливавшуюся в бесконечное, качающееся зеленое полотно, и свои ноги, которые поочередно менялись. Правая-левая, правая-левая... От этой монотонной картинки перед глазами кружилась голова. Шорох стеблей о джинсы, оглушительный стрекот кузнечиков и надрывные трели птиц впивались в уши, становясь невыносимыми. Она так ушла в этот ритм, что не заметила, как воевода остановился, и со всего маху налетела на его твердую спину.

– Прости... – прошептала девушка, поднимая взгляд.

Стоило ей посмотреть на Златомира, как звуки магическим образом вернулись в свою нормальную громкость, а туман перед глазами чуть рассеялся. Мужчина молча отстегнул от пояса кожаную флягу и протянул ей:

– На, испий. Полегчает.

В любое другое время Маша бы наотрез отказалась. Любая городская девушка знает: нельзя брать питье из рук незнакомца, мало ли что там подмешано. Но сейчас критическое мышление дало сбой, уступив место жажде и дурноте. Вода оказалась холодной, с легким привкусом хвои и серебра. Несколько жадных глотков действительно вернули почву под ногами.

Маша с благодарностью вернула флягу, чувствуя, как мир вокруг наконец перестал вращаться.

Они продолжили путь, и Маша заставила себя смотреть по сторонам. Чтобы окончательно не сойти с ума, она пошла на сделку с собственной психикой: «Представь, что ты на экскурсии. Золотое кольцо, Суздаль... просто очень качественная реконструкция». Мозг охотно ухватился за эту сомнительную уловку.

Взгляд стал жадно подмечать детали. Вот показались первые срубы на окраине – почерневшие от времени, но крепкие. Маша засматривалась на резные наличники: на каждом доме свой неповторимый узор, сплетения диковинных птиц и трав. Раньше ей приходилось часами бродить по старым дачным поселкам, чтобы выудить в объектив камеры хоть крупицу такого мастерства, а здесь это было обыденностью.

Златомир шел молча, лишь изредка бросая на спутницу короткие, проверяющие взгляды. Он умел располагать к себе людей, а уж по части того, чтобы рассмешить или в два счета вогнать девицу в краску, ему и вовсе не было равных в Стародубе. Но сейчас воевода чуял: случай не тот. Одно неверное слово – и эта странная девица закроется или, чего доброго, снова рванет в лес.

Маша была благодарна ему за эту тишину. Ей едва хватало сил на то, чтобы просто передвигать ноги, не то что поддерживать беседу.

Чем ближе они подходили к детинцу, над которым высились резные башенки княжьего терема, тем люднее становились улицы. Со Златомиром здоровались на каждом шагу, но тут же переводили взгляды на Машу. Девушка кожей чувствовала это недоброе любопытство. Горожане бесцеремонно разглядывали ее кроссовки и широкие джинсы, шептались и тыкали паль-

цами. Она вновь плотнее запахнула рубашку, стараясь отгородиться от пристального внимания.

Сам же Златомир в этой толпе будто расцвел. Он приосанился, расправил широкие плечи и сиял, как начищенный щит. Проходящим мимо девчатам он лихо подмигивал, заставляя тех прыскать в кулак и смущенно прятать лица за платками. Молодые парни, завидев воеводу, так и тянули шеи, стараясь перехватить его взгляд и удостоиться хотя бы короткого кивка. Те, кому везло, тут же принимали важный вид, расправляли грудь колесом перед своими подругами: мол, смотрите, я с самим Златомиром на «ты».

Маша окончательно поняла: её «проводник» здесь – фигура первой величины, местная звезда и большой начальник. От этого осознания неловкость только усилилась.

Так они дошли до дубовых ворот, преграждавших путь в детинец. На посту замерли двое стражников – плечистые, суровые, в чешуйчатых доспехах, которые тускло поблескивали на солнце. Увидев Златомира, они синхронно ударили кулаками в грудь и молча расступились, пропуская воеводу и его странную спутницу.

Внутренний двор княжеского терема оглушил Машу. Это был настоящий гудящий улей: где-то на заднем дворе звенело железо кузницы, слышались резкие окрики конюхов и тяжелый топот подкованных коней. В воздухе стояла густая взвесь из запахов конского пота, свежесобранного дерева и томящегося на кухнях мяса. Пекло нещадно, и у Маши снова предательски поплыло перед глазами.

Златомир, не сбавляя шага и больше не отвлекаясь на приветствия, потянул её за собой к парадному крыльцу. Он взлетел по резным ступеням и рывком распахнул тяжелую дверь, коротким жестом веля заходить. Стоило Маше переступить порог, как створки за её спиной захлопнулись, разом отрезав уличный гвалт.

Внутри воцарился прохладный полумрак, пахнувший воском, сухими травами и старым пергаментом. Златомир шел впереди стремительно, почти бегом. Маше пришлось буквально нестись за ним, едва не переходя на рысцу. Коридоры мелькали перед глазами пестрой лентой: резные колонны, тяжелые ковры на стенах, узкие окна-бойницы, сквозь которые падали острые лучи света. Она не успевала ничего рассмотреть – только слышала глухое эхо своих кроссовок и уверенный стук сапог воеводы по деревянным половицам.

Лестница, еще один поворот, длинный переход – и вот они замерли перед массивной дверью, украшенной затейливой резьбой, в которой угадывались сплетенные ветви деревьев.

Златомир обернулся к ней:

– Постой тут немного. Дух переведи.

И, не дожидаясь ответа, он резко дернул дверь на себя и по-хозяйски вошел внутрь без стука, оставляя Машу одну в пустом коридоре.

Глава 4

Дверь резко отворилась, и в покои вошел Златомир и сразу усмехнулся, найдя хмурого князя за столом. Князь поднял голову от бумаг, быстро окинул взглядом побратима, и, увидев широкую улыбку, успокоился. Значит, хотя бы с охотой все хорошо.

– Почто вихрем влетаешь? – буркнул Мирослав.

– О, не вели казнить, великий князь, что покой твой нарушил! – Златомир прижал руки к груди в просящем жесте и возвел глаза к потолку, едва сдерживая улыбку.

– Полно тебе глумиться, – лицо князя посветлело. Рядом со Златом он не мог долго хмуриться. Побратим его был как луч солнца, всегда сиял и улыбался, оправдывая свое имя.

Злат коротко улыбнулся и кивнул на князя:

– Почто хмурый такой? – окинул покои взглядом, увидел следы черной пыли и, не дождавшись ответа, спросил: – Опять к дубу ездил?

– Ездил. Еще дальше чернота проклятая расползлась, – досада и злость от бессилия отразились на лице Мирослава.

Князь запустил пальцы в волосы, с силой растер лицо и глухо, почти в пустоту, произнес:

– Не ведаю, Злат, за что хвататься... Со всех концов Верхолесья гонцы дурные вести несут: люди бегут с насиженных мест, воеводы волостные казну трясут – требуют избы погорельцам рубить. Злоба в народе зреет, черная, как сама скверна. Завидуют Стародубу, шепчутся по углам, будто я столицу заговорил, а на остальных мне нужды нет. Мол, князь себя укрыл, а на земли свои плюнул. Смута дышит в затылок, чую...

Князь помолчал, отведя взгляд к окну.

– Где нам ведьму сыскать, Злат? – устало спросил он. – Не с небес же падет?

– А может и падет... Кто богов знает? – Златомир же оставался не в пример радостным, несмотря на дурные вести, чем вызвал непонимание у князя. Мирослав скривился на его улыбку и снова посмотрел в окно. Они обсуждали это уже тысячу раз, и верно, надоело уже Злату мусолить одно и то же, вот он и отшучивался.

Злат же с заговорщической улыбкой приоткрыл дверь и позвал кого-то.

Мирослав не был настроен на разговоры с кем бы то ни было и уже хотел остановить побратима, как в покои вошла незнакомая девица.

– Здравствуйте, – сказала она и остановилась рядом со Златом.

Перед князем стояла девица – на первый взгляд обычная, да только обличьем дюже дивная. В руках она сжимала небольшой кожаный коробок на ремне. Порты на ней были из плотной синей ткани, широкие, почти как мужские, а рубаха распахнута так бесстыдно, что из-под неё виднелось исподнее, едва прикрывающее грудь. Живот и вовсе был голым. Срам-то какой!

Заметив тяжелый, ошеломленный взгляд Мирослава, девушка поджала губы и поспешно запахнула полы рубахи, обхватив себя руками. Князь же невольно опустил глаза ниже: обувка на гостье была и вовсе чудная – белоснежная, на толстой подошве, ни с чем несравнимая.

Смутная, пугающая догадка обожгла мысли Мирослава. Он медленно перевел вопросительный, почти молящий взгляд на воеводу. Неужто это то, о чем он думает? Неужто боги смилостивились над ним?

Злат победно кивнул и расплылся в улыбке:

– Охота славная выдалась, княже, глянь, какую девицу в лесу нашли, да непростую.

Маша недоуменно покосилась на Злата. Князь перевел взгляд со Злата на девушку и обратно:

– Чаешь ты, что...

– Твердо ведаю! Все, как в пророчестве. Сама явилась, – перебил Златомир.

Вопросов у Маши становилось всё больше. Пока эти двое вели свой странный, понятный только им диалог, состоявший в основном из многозначительных перегибков, она в открытую рассматривала князя.

Мирослав был одного роста со Златомиром, но в плечах шире и в целом казался мощнее, монументальнее. Одет он был на удивление просто: льняная косоворотка, порты из плотного полотна. Светлые, коротко подстриженные волосы и серо-зеленые глаза в сочетании с аккуратной бородой придавали ему суровости. От него веяло спокойной, давящей уверенностью и надежностью, даже несмотря на то, что он всё это время хмурился. Типичный представитель «богатырско-княжеского» сословия. «Всё, как я люблю», – вскользь, почти машинально подумала Маша.

В какой-то момент пантомима князя и Златомира закончилась, и девушка осознала, что уже несколько секунд Мирослав пристально смотрит ей в глаза. Маша смутилась, но взгляд не отвела.

– Мирослав я, князь Верхолесский, – наконец нарушил он тишину. – Тебя как звать?

– Маша, – ответила девушка, не отводя взгляда.

Князь нахмурился, словно пробовал слово на вкус, и тяжело уронил руку на стол.

– Марья, значит? – медленно переспросил он. – Имя заморское... По-княжьи звучит.

Почто же ты его так куце кличешь?

Маша пожала плечами:

– Мне так нравится, – и, обратившись к Златомиру, спросила: – О каком пророчестве вы говорили? И зачем ты привел меня к князю?

– О, ягодка. То княже тебе сам поведает, – хитро улыбнулся тот, ловко переведя стрелки. – Мое дело – найти да доставить.

Князь усмехнулся и с силой сжал пальцами переносицу. Мысли в голове не просто роились, они жалили. Вопросы, догадки, суеверный страх... всё сплелось в тугой ком.

Робкую надежду, вспыхнувшую в груди с приходом Златомира, он привычно затолкал в самую глубину души. Слишком часто он обманывался. Слишком много «ведающих» и крикливых знахарок клялись, что снимут проклятие, но ни одна не смогла сделать и шага по мертвой, сочащейся тленом земле у Дуба.

Мирославу не терпелось схватить эту девицу за плечи, встряхнуть из неё всю правду, самолично потащить к границе скверны и проверить – есть ли в ней хоть капля той силы, о которой твердило пророчество. Ему хотелось решить эту задачку немедленно: либо обрести спасение, либо разочароваться прямо сейчас, отсесть ложные надежды и навсегда забыть об этой встрече. Ожидание было для него пыткой похлеще вражеского плена.

Он уже набрал в груди воздуха, чтобы отдать приказ, но Златомир, словно почуяв его опасный порыв, перебил князя:

– Неминуемо поведает, но не сейчас. Негоже с порога допросами гостью мучить.

Воевода сделал шаг вперед, заслоня Машу, и голос его стал тверже:

– Сегодня праздник великий, боги на нас смотрят. Да и девица с ног валится – больно уж путь из лесу был тяжкий. Дай ей дух перевести, остыть.

Мирослав медленно закрыл рот и кивнул. Злат, как и всегда, видел суть: князь в своем отчаянии едва не растерял последние крохи хлебосольства. Как бы ни жгло изнутри желание немедленно ехать к Дубу, он вынужден был признать правоту побратима. Стоило дать девушке отдохнуть с дороги, да и самому перед праздником подготовиться.

– Кликни Добраву, – глухо приказал он, не сводя взгляда с Маши. – Пусть горницу в тереме готовят. И проследи, чтоб накормили досыта.

Златомир коротко кивнул и направился к дверям, мягким жестом пропуская девушку перед собой. Когда Маша уже вышла, Мирослав рванулся вперед, сжал плечо побратима и едва слышно, одним дыханием, произнес:

– Благодарствую, Злат.

Воевода лишь серьезно взглянул ему в глаза, кивнул и вышел, тяжело прикрыв за собой дверь.

Тяжелая дверь за их спинами глухо захлопнулась, отрезав Машу и Златомира от хмурого князя. В прохладном коридоре воевода снова расплылся в своей хитрой улыбке:

– Моим старанием, ягодка, ныне хлеб преломлять будем, а не речи горькие пред князем держать. Радуйся – поедим досыта, прежде чем он тебя вправду пытать начнет.

Маша лишь неопределенно хмыкнула, стараясь не выдать, как сильно у неё повело живот при упоминании еды. Организм, измученный переходом и дорогой, требовал калорий.

На этот раз Златомир вел её по переходам куда медленнее. Маша наконец смогла оторвать взгляд от собственных кроссовок и оглядеться. Увиденное заставило её на миг забыть о своем шатком положении: она словно провалилась внутрь одной из тех подарочных книг по древнерусскому зодчеству, которые раньше только листала в библиотеке.

Высокие сводчатые потолки из потемневшего от времени дуба украшала невероятная резьба – переплетения диковинных трав и цветов казались живыми в неверном свете факелов. Над каждой дверью вились дубовые ветви с искусно позолоченными желудями, а стены были расписаны сценами охоты и какими-то древними символами. Маша заворуженно скользила пальцами по теплому дереву стен. Сказка, в которую она так мечтала попасть, оказалась на ощупь шершавой, пахнувшей воском и многовековым покоем.

Они шли кружным путем. Пару раз им попадались слуги в простых льняных рубахах – завидев воеводу, они замирали и низко склоняли головы. Златомир, казалось, их и не замечал: он весело напевал что-то себе под нос, отвечая на приветствия машинальным кивком.

Вскоре до них долетел бодрый шум поварни: звон посуды, треск дров в печах и гул голосов. Златомир рывком распахнул двойные двери и с порога, набрав в груди воздуха, громко объявил:

– Добрава, свет очей моих, накорми путников, что от гнева княжеского бежали! Век помнить твою доброту будем!

Из-за широкой спины Златомира ничего не было видно, поэтому Маша осторожно обошла его слева. Как она и догадалась, воевода привел её на поварню, но не в общий зал, а в уютную боковую горницу с тяжелым дубовым столом и двумя широкими скамьями. В стене напротив чернел открытый проем, откуда доносился гомон, шипение раскаленных сковород и звон ушатов.

В этом проеме показалась статная женщина лет пятидесяти – та самая Добрава. Вид у неё был грозный: она решительно двинулась на Златомира, на ходу замахиваясь полотенцем, точно на нашкодившего кота. Воевода с хохотом отскочил в угол, и «снаряд» пролетел мимо, лишь вскользь задев его плечо.

– Ну чего голосишь на весь терем, как резанный! – женщина уперла руки в бока и сверлила воеводу взглядом. – Где князя потерял? Небось тоже голодный весь день ходит.

Тут её взгляд упал на Машу, которая замерла у входа. Девушка, не зная, как себя вести, негромко выдавила:

– Здравствуйте...

Златомир тут же подскочил к Маше и по-хозяйски приобнял её за плечи, будто представлял старую знакомую:

– Не жди его ныне. У князя забот – аки звезд на небе! Позже заглянет. А нас велел накормить и светлицу девице отвести.

Он чуть подтолкнул Машу вперед:

– То Маша, гостя княжеская, из лесу нами вызволенная.

Добрава быстро, по-матерински цепко окинула девушку взглядом. Она явно удивилась мужским панталонам и странному «исподнему» гостю, но виду не подала – выправка старой ключницы взяла верх над любопытством. Гнев на воеводу тут же сменился милостью, стоило ей увидеть бледное, измученное лицо Маши.

– Садитесь уж, горемычные. Сейчас накрою, – она коротко кивнула и скрылась в проеме.

Тут же послышался её зычный голос, раздающий приказы направо и налево. Не прошло и пары минут, как из кухни выпорхнула босоногая девчушка с тяжелым подносом. Она в мгновение ока расставила на столе дымящиеся блюда и, бросив на Машу испуганно-любопытный взгляд, так же стремительно исчезла.

Маша неловко присела на скамью и стала рассматривать тарелки, пытаясь понять, что им принесли. На одной из тарелок лежал хлеб, в другой был мясной пирог и с творогом. Злат же времени даром не терял, уже придвинул к себе один из горшочков, зачерпнул содержимое и отправил в рот.

– Ешь, ягодка, не стыдись! – прошамкал он с набитым ртом.

– А что это? – кивнув на его горшочек, спросила девушка.

– Уха, – ответил тот и, проглотив, начал перечислять все блюда, которые им принесли. – Там перловая каша, пареная репа, пироги с мясом и с творогом, яйца вареные, узвар в кувшине.

Девушка кивнула и пододвинула к себе горшочек с супом. Зачерпнула деревянной ложкой, проглотила и только сейчас поняла, как проголодалась. Уха была наваристой и ароматной, вместо привычной картошки плавала репа, все остальные ингредиенты были привычными. Маша взяла ломоть черного хлеба и быстро управилась с супом. Тепло разлилось в животе, и тревога, державшая в тисках все это время, потихоньку начала отступать. Девушка налила себе узвар в кружку, хлебнула, и вкус перенес ее в детство. Такой готовила ее бабушка, когда она летом гостила у нее в деревне.

Маша посмотрела на Златомира, уплетавшего пироги, и невольно улыбнулась. Вся его стать и хитрые улыбки пропали, сейчас перед ней забавно ел обычный парень. Заметив ее внимание, тот улыбнулся и воскликнул:

– Хвала богам! Ты, ягодка, улыбкой светить умеешь!

От чего Маша улыбнулась еще шире. Невозможно было смотреть на него серьезно.

– Рад, что лик мой тебе на забаву! Хоть и привыкли девицы боле от речей моих смеяться. Но помяни слово, ягодка: придет час, и в ином свете меня увидишь, во всем блеске! – Злат поиграл бровями.

– У тебя высокое положение здесь? Все тебе кланяются, и с князем ты себя панибратски вел, – спросила Маша.

– «Пани... брацки»? – он попробовал незнакомое слово на вкус, словно кислую ягоду.

– Не ведаю, что за «пани» такая, но про брата ты в точку попала! То не дерзость, ягодка, то побратимство, – важно изрек Злат, комично подняв указательный палец, – А что кланяются... так ведь любят меня все.

Маша мотнула головой, закатив глаза, ну абсолютно несерьезный молодой человек.

– Князя я с малых лет знаю, воровал для него пироги, пока Добрава не видела, – продолжил он.

– Понятно. А что за пророчество вы обсуждали?

– Не-не-не, – Златомир замахал руками, в которых еще держал корку хлеба. – О делах тяжких – не ныне. Праздник на пороге! То княже сам тебе завтра поведаст.

Маша вздохнула. Что ж, попытаться стоило.

– Ну хоть про праздник расскажи, – попросила она, отодвигая пустую плошку.

– Неужто ничто о нем не ведаешь? – Златомир изумленно вскинул густые брови. – И на Долгосвете прежде не бывала?

Получив в ответ лишь отрицательный моток головой, он просиял еще ярче, и глаза его азартно блеснули:

– О-о! Надобно тебе быть там, ягодка! Ныне Солнцеворот, день великий! В ночи дары богам возложим, а после – костры, песни да игрища до зари. Девицы венки в воду кидать станут, долю свою высматривать. Ты еще успеешь цветов нарвать, – он лукаво подмигнул, – авось и твой венок кто выловит!

Маша невольно усмехнулась. Она знала об этих обрядах из книг, но слышать о них как о чем-то реальном и неизбежном было странно. В этот момент в горнице снова появилась Добрава, вытирая руки о край передника:

– Ну? Поели?

– Спасибо, все очень вкусно! – искренне поблагодарила девушка. Добрава от такой вежливости даже опешила на миг, а после довольно приосанилась, и в её строгом взгляде промелькнуло тепло.

– Пойдем, покажу тебе твою светлицу, – сказала она и вышла из трапезной.

Маша встала и оглянулась на Злата. К нему она уже успела немного привыкнуть, а тут вдруг предстояло разделиться. Перспектива остаться одной в недрах терема пугала.

– Иди, иди! Вечером загляну еще, проведу, – поспешил успокоить он девушку, заметив ее растерянность. Та кивнула в ответ и поспешила за Добравой.

Оставшись один, Златомир удовлетворенно кивнул сам себе. Все само собой складывается чудным образом. Завтра они с Мирославом все разузнают про эту девицу, а сейчас пусть она отдыхает и веселится на празднике.

Глава 5

Добрава привела Машу в выделенную для нее горницу, показала, где что лежит, сказала кликать сенную девку Беляну, ежели что понадобится, и ушла.

Комнатка располагалась на втором этаже, в дальнем левом от центрального входа крыле. В комнате все было скромно, но уютно. Деревянная кровать, сундук для вещей, зеркало рядом с ним, около окна деревянные лавка и стол. Около двери стоял таз с водой, и висело полотенце на крючке. Небольшое окошко выходило на задний двор с садом. В открытые ставни шум детинца досюда не долетал. Было слышно шелест яблонь и трели птиц. Белая занавеска с вышитыми узорами лениво колыхалась от дуновения летнего ветра. Пахло древесиной и медовым ароматом липы, доносящимся с улицы.

Через несколько минут в дверь постучали, и в горницу вошла та самая Беляна, быстро положила стопку вещей на сундук и, не поднимая головы, вышла. Маша с любопытством перебрала принесенное. Здесь были две тонкие сорочки до щиколоток из нежнейшего льна, две рубахи поплотнее, одна – с затейливой вышивкой по рукавам, и тяжелая темно-зеленая понева. К одежде прилагались мягкие кожаные поршни, похожие на балетки.

Маша скинула кроссовки у входа, нагретый за день деревянный пол отдавал тепло. Половицы слегка поскрипывали под ногами. Девушка опустилась на кровать и вздохнула. Наконец впервые за весь день, оставшись одна, она могла подумать обо всем, что произошло. И честно, легче от этого не становилось. Пока рядом были какие-то люди, она держалась, сейчас тоска вперемешку с ледяной тревогой нахлынули разом. Девушка окинула стол взглядом – ни намек на бумагу и ручку. А так хотелось все записать и разложить по полочкам. Маша вспомнила про телефон. Оставалось тридцать процентов зарядки – хватит до завтра. Открыла заметки, занесла пальца над клавиатурой и остановилась. С чего начать? Как описать то, во что сама до конца не верит? В итоге она решила не мудрить со структурой и просто печатать всё, что приходило в голову. Спустя пятнадцать минут в телефоне появилась длинная запись. Выводы были неутешительными:

1. Она и правда попала в другой мир. Как и всегда хотела, даже в ту эпоху, которой грезила. Бойтесь своих желаний или формулируйте правильно.

2. Как она попала в этот мир, она не знала. Единственная догадка – виноват день летнего солнцестояния. А точнее тонкая граница между мирами в этот день.

3. Она должна поговорить с князем, чтобы понять, зачем она здесь, и есть ли путь назад. Это будет уже завтра, к счастью.

4. Надо сходить обратно в лес на то место, откуда все началось. Может что-то станет понятнее.

Маша еще раз перечитала заметку и свой небольшой план, и на душе стало чуть легче. Тревогу умирили, уже хорошо. Сейчас оставалось лишь наслаждаться моментом, раз она ни на что пока повлиять не может. Ну и удивляться этому чуду – ведь она в буквальном смысле попаданка. Маша усмехнулась своим мыслям.

Занавеска вновь колыхнулась от ветра, солнечные зайчики, проникшие в комнату через ажурные прорезы ткани, поскакали по половицам. Девушка подошла к окну и выглянула в сад. Он был довольно большим по площади, и в основном состоял из плодовых деревьев. Ближе всех к ее окну росла раскидистая яблоня, на которой уже было видно небольшие плоды.

Делать было нечего, выходить из горницы и одной бродить по терему было неловко. Вдруг куда-то не туда забредет. Или встретит кого, а что говорить – непонятно. Внутренний интроверт советовал переждать тут. Идти на праздник или нет, Маша еще не решила. Она никогда не любила скопление народа, все эти массовые праздники, чего стоило вспомнить день города и ожидание салюта в толпе. А тут и вовсе все было незнакомым. С другой стороны, ей давно

хотелось посетить подобное мероприятие, посвященное традициям и Ивану Купале. А тут она оказалась, скажем так, в эпицентре событий. Грех не воспользоваться.

Так – то лежа, то сидя за столом, то облокотившись о подоконник и глядя в сад – девушка и дождалась вечера. Воздух стал прохладнее, а освещение мягче – солнце спускалось ниже и уже не так палило. В коридоре изредка слышались шаги и голоса, от которых девушка каждый раз вздрагивала. Ей казалось, что сейчас в ее горницу ворвутся, выволокут ее куда-нибудь и что-нибудь с ней сделают. Но каждый раз этот приступ тревоги не оправдывался, и Маша уже не вздрагивала так сильно.

Вот и сейчас в коридоре раздались шаги, на которые она уже не обратила внимания, как вдруг в дверь постучали. Маша резко дернулась, подскочила к двери и приоткрыла ее – там стояла Беяна. Она склонила голову и произнесла:

– Господине Златомир велел подсобить к празднику тебе. Сказал – ждать будет у ворот терема.

– Да я и сама смогу одеться, – пробормотала Маша, впуская девушку в комнату. Что ж, Златомир все решил за нее – на праздник она все-таки идет.

Беяна же подошла к сундуку, развернула нарядную рубаху, на рукавах которой были вышиты дубовые листочки и желуди, отвернулась, пока Маша снимала свою одежду, и помогла нырнуть в рубаху. Затем Беяна взяла в руки темно-зеленую поневу, окинула Машу и ее прошлую одежду взглядом, пытаясь что-то понять, и остановилась в неуверенности.

– Мужняя ты? – спросила она.

– Нет, – ответила Маша, на секунду сведя брови к переносице.

– Без понева тогда, – Беяна кивнула и отложила темно-зеленую ткань на сундук. Вместо понева она подвязала такой же темно-зеленый пояс, расшитый все теми же желудями.

– Волосы распустить надобно, – сказал она.

Маша со вздохом распустила свой низкий пучок, распущенные волосы она не любила – лезли в глаза, путались, раздражали. Этим она поделилась с Беяной, на что та предложила кожаный шнурок на лоб, от которого Маша тоже поспешно отказалась. Девушка представила, как что-то будет у нее на лбу, и ей сразу стало некомфортно. Она вообще не любила украшения, через час после их ношения они начинали раздражать, и их хотелось быстрее снять. Беяна удивилась и в задумчивости закусила губу, но потом кивнула:

– Обойтись-то можно, ныне и без лент гоже.

Она отошла на шаг, осмотрела Машу с ног до головы и удовлетворенно кивнула:

– Вот и управились.

Маша подошла к зеркалу, стоявшему в покоях, и заглянула в него. На нее смотрела симпатичная девушка со слегка испуганными глазами. Рубаха из беленого льна выглядела как привычное платье, а пояс подчеркивал талию. Маша глубоко вдохнула – живот вновь скрутила тревога, которая всегда появлялась перед ожиданием встречи с кем-то или походом на важное мероприятие. Маша оторвала взгляд от зеркала и хотела попросить Беяну проводить до выхода, но та уже успела уйти. Ничего, найдет выход и сама, на топографический кретинизм девушка не жаловалась.

С этими мыслями, глубоко вздохнув еще пару раз, Маша вышла из горницы. В коридорах уже стемнело, и прислуга зажгла лучины в светцах. В тереме было тихо и безлюдно, видно все уже ушли на праздник. От этого пляшущие тени и скрип половиц казались немного жуткими. Поплутав по терему и один раз свернув не туда, Маша спустилась к главному входу и замерла перед дверью. Сердце бешено стучало, и ладони вспотели.

«Успокойся», – мысленно приказала она себе и наконец, толкнула дверь.

Стремительно смеркалось – небо еще оставалось светлым, но внизу уже было достаточно темно. Фигуры вдалеке уже было сложно разглядеть. Маша спустилась с крыльца и заозиралась

по сторонам. Наконец увидела в стороне фигуру мужчины, тот махнул рукой, и девушка узнала в нем Златомира.

– А так и не помыслишь, что чужачка, – с улыбкой сказал он, окинув её медленным, оценивающим взглядом, и в глазах его промелькнуло искреннее восхищение, – К лицу тебе наши наряды, ягодка. Словно в них и родилась.

Маша мельком улыбнулась. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, и отвечать на комплименты просто не осталось сил. Сам Златомир выглядел торжественно и празднично. На нем была ослепительно белая рубаха, расшитая по подолу и вороту алыми солярными символами, и тяжелый кожаный пояс, на котором холодно поблескивала сталь меча. Темно-синее корзно, скрепленное на плече массивной фибулой, придавало ему вид грозного изваяния.

В руках он держал пышный венок. Маша успела разглядеть в нем свою тезку, Иван-да-Марью, полынь, мяту. Но страннее всего смотрелись вплетенные в него дубовые листья – кожистые, темные, резные, они казались чужеродными и слишком величественными рядом с нежными полевыми травами.

Златомир протянул ей венок, и с его лица внезапно сошла вся привычная веселость:

– Волхв травы сплел, просил передать. Носи и не снимай, покуда костры не погаснут и вода не примет.

Маша приняла венок и надела его на распущенные волосы. Тот показался ей тяжелым, к ароматам луговых трав примешивались горькие и терпкие запахи полыни и дубовой коры.

Всё то время, пока она поправляла венок, воевода смотрел на неё не отрываясь – серьезно, почти хмуро. Маше почудилось, что воздух вокруг них загустел, превращаясь в невидимую стену, от чего этот момент казался важным и серьезным. Только когда венок плотно сел ей на голову, воевода едва заметно, облегченно выдохнул. Тень напряжения исчезла, и он снова стал прежним – улыбчивым и хитрым Златомиром.

– Я волнуюсь, – призналась Маша, когда Златомир повел ее в сторону выхода из ворот детинца. А потом подумала: «Вот зачем ему это знать, и какая ему разница».

– Отчего так? – с интересом спросил Златомир.

– Я никого не знаю. И будет много людей, – девушка помолчала и добавила, – и традиций ваших я не знаю, может мне лучше остаться?

– Вздор! Делать много нет нужды, ягодка. Зри, что иные девы творят, да за ними повторяй, ежели что они подсобят, – поспешил развеять ее сомнения Злат, и, приняв, нарочито оскорбленный вид, сказал: – Князя да меня ведаешь, то довольно.

Маша усмехнулась. Да уж, успела обзавестись полезными знакомствами. Пока что они на ее стороне, а вот что будет завтра после разговора... Маша поспешила остановить себя от тревожных мыслей. А как отреагируют простые люди, если она появится на празднике со Златомиром рядом, да еще и с князем говорить будет? Лишнего внимания не хотелось. Злат выдернул ее из рассуждений вопросами:

– Как в светлице управилась? Все ли ладно? Не тесно ли, не холодно? Добрава – баба суровая, но дело знает: коль, что не так – говори, всё уладим!

– Да, да, все хорошо, спасибо.

– Кого спасти? Бога? – Златомир забавно наморщил нос.

– Ну, в смысле благодарю, – поспешила исправиться Маша, – все... по нраву мне. Ответ выдался с паузами, потому что девушка на ходу вспоминала слова, которые понял бы Злат.

– Добре тогда! – усмехнулся Златомир, про себя удивляясь выражениям девушки.

Они вышли за ворота детинца, и Златомир уверенно повел Машу направо, вливаясь в живой поток людей. Казалось, весь Стародуб снялся с места и потянулся к реке. Мимо стайками проносились девушки в белых рубахах, расшитых обережными узорами; их венки подпрыгивали в такт бегу, а любопытные взгляды то и дело цеплялись за Машу. Стоило им со Златом поравняться с очередной группой, как за спиной раздавался приглушенный шепот и

смешки. Маша кожей чувствовала настороженность горожан. Наверное, зря, что она пошла вместе со Златом. Все-таки, он здесь не простой человек, и внимания к нему больше.

Воздух становился всё плотнее. Запах речной тины и камыша перемешивался с густым ароматом жареного на вертелах мяса и березового дегтя. Впереди, на самом берегу, уже выселись исполинские пирамиды сложенных дров, похожие на костяки спящих чудовищ. Гул голосов перекрывала резкая, бередящая душу игра гудков и сопелей – их незатейливый, но дикий ритм заставлял кровь бежать быстрее.

Над обрывом белой каменной громадой высился храм. Его стены, лишённые привычных Маше куполов, казались нерушимой крепостью.

Чем ближе они подходили к священному месту, тем туже затягивался узел в её животе. Златомир ловко прокладывал дорогу сквозь толпу неповоротливых мужиков, успевая на ходу ослепительно улыбаться местным красавицам, и вывел Машу в первые ряды, к самой каменной площадке.

Здесь гомон толпы внезапно стих, разбившись о невидимую преграду тишины. Маша затаила дыхание. Перед храмом не было грубых идолов с оскаленными ртами – лишь высокие базальтовые стелы, испещренные картами созвездий и текучими растительными узорами. В центре замер массивный камень-алтарь, отполированный веками. Девушка сделала себе мысленную пометку – узнать, какие тут боги.

А потом она увидела князя.

Мирослав стоял у самого алтаря, и от его дневной хмурой усталости не осталось и следа. Он выглядел величественно и пугающе: белоснежная рубаха с золотым шитьем, тяжелый темно-зеленый плащ, скрепленный на плече фибулой в виде дубового листа с желудем, и меч в богатых ножнах. Руки его были властно сложены за спиной, а взгляд устремлен куда-то поверх толпы.

Пока Маша, замерев, разглядывала его новый облик, Златомир шепнул ей:

– Мне с князем быть надобно, не теряйся, ягодка.

Маша не успела ничего ответить, как Златомир растворился в толпе. Спустя мгновение она увидела, как он замер по правую руку от князя – так, чтобы Мирослав мог его видеть. Заметив побратима, князь едва заметно кивнул, и напряжение в его плечах чуть спало.

В этот миг из распахнутых недр храма вышел волхв. Маша невольно затаила дыхание: вопреки её ожиданиям, это был не немощный старец, а статный мужчина в белоснежных одеждах, расшитых серебром. Он казался ровесником князя, но в его походке и неподвижном взгляде сквозила вековая мудрость, от которой по коже пробежал холодок.

Когда волхв встал рядом с Мирославом, гул толпы оборвался, точно по команде. Воздух сделался плотным, наэлектризованным. Князь властно повел рукой, и от людского моря отделились двое воинов, несших ларец с драгоценными мехами. Мирослав принял связку соболей и медленно возложил их на требный камень. Его зычный, раскатистый голос перекрыл даже рокот реки:

– Богам – дары наши! Нам – их воля и заступничество! Да пребудут Отец-Небо и Мать-Земля милостивы к детям своим! Да осветят Солнце и Луна пути наши в грозный час!

Волхв вскинул руки к темнеющему небу и закрыл глаза. Толпа замерла в оглушительном, звенящем ожидании. И в ту же секунду в чашах у базальтовых стел само собой вспыхнуло ослепительно-белое, призрачное пламя. Оно взметнулось вверх живыми столпами, слизывая принесенные дары.

По полю пронесся вздох суеверного восторга – боги приняли жертву.

Тут же раздался оглушительный удар в медный гонг. Звук был такой силы, что у Маши пропустило удар сердце, а в легких не осталось воздуха. И тотчас многотысячная толпа взорвалась ликующим криком. Один за другим на берегу начали вспыхивать исполинские пирамиды

костров, разрывая сумерки рыжими всполохами. Маша зажмурилась от внезапного неистового света.

Народ хлынул вниз, к самой кромке воды. Заголосили гудки, запели сопели, вплетаясь в дикий, первобытный ритм танца. Празднество считалось открытым.

На поляне возле алтаря быстро опустело, оставались лишь князь, о чем-то беседующий с волхвом, и несколько человек, ждавшие своей очереди за советом от волхва. Внизу, на расстеленных шкурах, уже вовсю черпали хмельной мёд из пузатых братин.

Совсем стемнело, и теперь разглядеть кого-то было сложнее, разве что тот стоял у огня. Это было на руку Маше – с приходом темноты ощущение, что она не в своей тарелке, поубавилось.

Храм призывно сиял сквозь открытые двери мягким теплым светом. Ощущалась сила места, и в воздухе витала древняя магия. Девушке хотелось подойти к алтарю поближе, рассмотреть стелы, белый огонь, который сам собой загорелся в чашах. Хотелось зайти в храм – наверняка там хранились древние свитки, в которых была информация о том, как она здесь оказалась. Маша порывисто оглянулась, убедилась, что на нее никто не смотрит, и князь все так же в стороне говорит с волхвом, и пошла к дверям храма. Не успела сделать и десяти шагов, как справа возник Златомир, от чего девушка вздрогнула и укоризненно на него посмотрела. Тот вкрадчиво произнес:

– Негоже как мышь красться в место святое, ягодка!

– Я просто... Хотела посмотреть, что там внутри.

– То для волхвов да старцев иссохших. А ты молода, кровь в тебе играет! Пойдём же! Нешто хочешь весь Солнцеворот на камни пялиться? Там уже костры до неба горят. Коль не прыгнешь со мной через пламя – обижусь, век помнить буду! – он весело подмигнул, но взгляд его оставался бдительным. – Храм никуда не денется, а ночь – коротка.

Он потянул ее за собой прочь, к реке. Маша с сожалением обернулась на храм, обещая себе зайти туда в другой день, и успела ощутить цепкий тяжелый взгляд волхва, скользнувший по ней.

У реки уже вовсю кипела жизнь. Дружинники с молодецким гиканьем прыгали через режущее пламя костров, приземляясь под одобрительный свист толпы. Девушки, взявшись за руки, водили тягучие хороводы, и их звонкий смех вплетался в треск горящих поленьев.

Чуть поодаль, прямо на траве, на широких дубовых досках горой громоздились угощения: исходящее паром жареное мясо, румяные пироги, головки молодого сыра и корзины с вареными яйцами. Вокруг на расстеленных шкурах и войлоке вповалку сидел народ, наслаждаясь недолгой ночью. У самых костров стояли огромные, размером с доброе ведро, деревянные братины, из которых ковшами черпали пенистый мёд.

Златомир потащил Машу напрямиком к одной из таких чаш. Стоявшая рядом стайка девушек при его приближении мгновенно зашущукалась; замелькали ладони, поправляющие ленты и выбившиеся пряди. Воевода ослепительно улыбнулся разом всем, заставив самых юных густо покраснеть и опустить глаза.

– Красавицы, разрешите ли меду зачерпнуть? – он картинно призадумался на мгновение и выдал с лукавым прищуром: – Хотя, по совести сказать, от красы вашей хмелеешь быстрее, чем от самого крепкого меда!

Девушки предсказуемо захихикали, прикрываясь рукавами, но одна – самая статная и чернобровая – лишь демонстративно закатила глаза. Златомир, не упустив этого жеста, подмигнул ей:

– Не хмурь чело, Миланка, не порть красу! Княже на суровых нынче не глядит.

Красавица в ответ лишь презрительно сощурилась и плотно скрестила руки на груди. Когда же Златомир ловко зачерпнул мёд и первым делом протянул чарку Маше, по стайке

пронесся колючий шепот. Черноволосая красавица мазнула взглядом по Машиному венку, и в её глазах на миг сверкнули настоящие молнии. Резко бросив что-то на ухо подруге, она гордо развернулась и пошла прочь, едва не задев Машу плечом.

«М-да, видимо, стерва местная», – подумала Маша, невольно дернув бровями.

Девушка осторожно хлебнула мед. Мёд оказался неожиданно густым, темно-янтарным. Сначала язык обожгло холодом колодезной воды, но тут же по горлу разлилось густое, ягодное тепло с ароматом горьких трав и старого дуба. Ей даже не с чем было сравнить из знакомых ей алкогольных напитков.

– Ну как? – Злат следил за ней, прищурившись.

– Приятно... как будто лето в чашке.

– То-то же! – хохотнул он, – Пей помалу, ягодка. Наш мёд коварен: язык развязывает, а колени подгибает. Не ровен час, в хороводе упадешь!

На этих словах к нему подбежали две девицы, и одна, со смехом водрузив ему на голову венок, потянула его за рукав к костру. Дружина, увидев это, начала улюлюкать, бить кубками о щиты и кричать:

– Веди его, девица! Не дай воеводе засохнуть!

– Пойдем, Златомирко! – пропела девушка, повиснув на его рукаве. – Огонь заждался, судьба зовет!

Злат, едва не споткнувшись, обернулся к Маше. В его голубых глазах плясали искры – то ли от костров, то ли от азарта:

– Слышишь, ягодка? – крикнул он, пытаясь высвободить локоть. – Судьба, говорят, зовет! Аль ты меня от этой «судьбы» отберешь? Нешто позволишь воеводе с другой в пламя прыгнуть?

Маша улыбнулась и примирительно вскинула ладони в жесте «не претендую», без боя уступая воеводу местным красавицам. Те, переглядываясь и хихикая, тут же увлекли Златомира к большим кострам. Маша проводила их взглядом и огляделась.

Девушки, только что толпившиеся у чаши с медом, внезапно разошлись, оставив её одну в пустом круге тишины. Нахлынуло острое, липкое чувство неуютя. Вокруг кипела жизнь: люди искренне хохотали, до хрипа пели песни, прыгали через огонь, обнимались. А она стояла столбом посреди этого первобытного буйства и чувствовала себя самозванкой.

Златомир растворился в толпе, князя она видела лишь мельком где-то у костров дружины – высокий силуэт в отблесках пламени, но уверенности, что это Мирослав, не было. Знакомых лиц больше не осталось. Прохожие то и дело оглядывались на неё, замедляя шаг, шептались, указывая на неё, но никто не решался заговорить. От этого одиночества в толпе стало совсем не по себе. Маша поежилась и зябко обхватила себя руками, мечтая стать невидимкой.

– Чего стоишь в стороне, гостя? – раздался звонкий девичий голос.

Маша вздрогнула. К ней подбежала Беяна – та самая сенная девка, что приносила одежду. В праздничной рубахе с яркой вышивкой и с распущенными волосами она выглядела совсем иначе, и Маша не сразу её узнала.

– Пойдем к огню! – Беяна бесцеремонно схватила Машу за руку, не давая опомниться. – Прыгать надобно! Огонь нынче целебный.

И, не слушая возражений, она потянула упирающуюся Машу в самую гущу праздника, к ревущему пламени.

– Я боюсь. Не знаю, как прыгать, – сказала Маша, когда они встали в очередь из желающих прыгнуть.

– Нет тут мудрости большой – разбежимся да прыгнем. За руку тебя держать буду! – ответила Беяна.

Очередь двигалась стремительно. Маша не успела даже сделать вдох, чтобы унять дрожь, как Беляна потащила её вперед. Прямо на ревуший столп пламени, который выстреливал в черное небо снопами яростных искр.

Рывок, короткий разбег – и земля ушла из-под ног. Маша закричала вместе с остальными, чувствуя, как на мгновение зависла в воздухе над самым пеклом. Огонь мягко лизнул щиколотки, обдал жаром лицо, но не обжег, а словно наполнил изнутри невидимой силой.

Они приземлились по ту сторону под одобрительный гул толпы.

– Теперь венки! К реке, не отставай! – крикнула Беляна и, хохоча, скрылась в толпе подружек.

Маша осталась одна. Она тяжело дышала, сердце гулко бухало в самые уши, а кончики пальцев мелко подрагивали. Дикая, первобытная эйфория захлестнула её с головой. «Я сделала это!» – пронеслось в мыслях. О таком она в своем городе могла только мечтать, читая сухие строчки в учебниках этнографии. А здесь... здесь жизнь была через край.

Она развернулась и пошла к реке. Жар костров остался за спиной, и впереди разверзлась густая, бархатная чернота, в которой лишь изредка вспыхивали оранжевые блики на воде. У самой кромки берега уже стояли девушки. В этой тишине они казались призраками: молча снимали венки, прижимали их к груди, шепча заветные слова, и опускали в темную воду.

Маша тоже сняла свой венок. Дубовые листья в нем казались теперь почти черными и пахли терпко, остро. Она не знала, что нужно говорить, какие заговоры, но на секунду прикрыла глаза, обращаясь к самой себе. Шум праздника и треск пламени внезапно отошли на задний план, став тихим фоном.

Она уже несколько лет была одна. Отношения не клеились, заставляя привыкать к пустоте и одиночеству. Глупо было надеяться встретить «того самого» здесь, в чужом и грозном мире, где она – лишь случайная гостья. Но перед мысленным взором почему-то настойчиво всплывало лицо князя: его серо-зеленые глаза и складка между бровей.

Маша открыла глаза и решительно бросила венок в реку. Тяжелое сплетение трав коснулось воды и резво поплыло вниз по течению, пока окончательно не растворилось во тьме.

Поодаль, в темной воде, уже всюду плескались парни, азартно вылавливая венки приглянувшихся невест. Берег оглашался то радостным визгом – когда девушка бросалась в объятия молодца, спасшего её «долю», то тихими всхлипами – чьи-то цветы пошли ко дну, едва коснувшись глади. Иные с хохотом удирали в высокую траву от настырных ухажеров, чей выбор им пришлось не по нраву.

Пары, держась за руки, медленно исчезали в предутреннем тумане, уходя вдоль берега, а компании посмелее тянулись к лесной опушке – пытаться удачу в поисках заветного цвета папоротника. Хмельные дружинники, перебравшие крепкого меда, сладко сопели на шкурах у догорающих костров, в то время как самые стойкие с разбегу ныряли в ледяную реку, увлекая за собой визжащих подруг.

На горизонте затеплилась узкая полоска рассвета, быстро разгораясь и окрашивая небо в густой оранжевый цвет. Маша глубоко вдохнула свежий, пронзительный воздух – от этого запаха росы и остывающей золы странно щемило в груди. Она огляделась: людей на поляне осталось совсем мало, праздник растекался по закоулкам, прятался в тени деревьев.

Белокаменный храм в первых лучах солнца казался нереальным, окутанным нежно-розовым маревом. Маша постояла еще минуту, впитывая эту тишину, и побрела в обратную сторону – к детинцу. На воротах её никто не задержал: стража лишь проводила «лесную гостью» долгими, усталыми взглядами.

В густом предутреннем полумраке Маша добралась до своей светлицы. Тяжелый засов с глухим стуком встал на место, окончательно отсекая её от затихающего гула праздника. В тереме царила неестественная, почти храмовая тишина, пахнувшая старым деревом, воском и рассветной прохладой.

Она подошла к рукомойнику. Вода в нем оказалась ледяной, обжигающей. Сбросив расшитую рубаху, Маша зачерпнула полную пригоршню и плеснула в лицо, с наслаждением смывая осевшую на коже копоть костров. Движения были механическими, сонными. Она взяла размочаленную палочку, макнула в толченый уголь и принялась тереть зубы, морщась от непривычного вкуса. Во рту всё еще стоял терпкий, ягодный привкус меда, а в ушах набатом отдавался ритм гудков, но здесь, в четырех стенах, она снова осталась один на один со своей тревогой.

Усталость навалилась разом, тяжелая и неотвратимая. Ноги гудели, глаза щипало от дыма, а в голове калейдоскопом мелькали картинки прошедшего дня: Дуб, Златомир, праздник, пронзительный взгляд князя... Мозг отчаянно пытался переварить лавину информации, прежде чем окончательно отключиться.

Наскоро ополоснувшись и кое-как распутав спутавшиеся от ветра волосы, Маша задула свечу. Комната погрузилась в серый рассветный сумрак. Девушка нырнула под тяжелое шерстяное одеяло, которое пахло овечьей шерстью и сухими травами. День выдался бесконечным. Спустя едва ли четверть лучины Маша провалилась в глубокий сон.

После завершения требы Мирослав задержался у алтаря, чтобы переговорить с Веледаром. Пока народ шумным потоком стекал к реке, князь подтвердил слова Златомира: девица и впрямь нашли в лесу. Именно для неё Веледар сплел особый обережный венок, вложив в него силу полыни и старого дуба.

Лишь после этого князь спустился к берегу, к своим верным воинам. У воды стоял невообразимый гвалт: девицы призывно хохотали, прикрываясь рукавами, а молодцы наперебой сыпали шутками, стремясь привлечь их внимание.

Мирослав принялся искать глазами побратима, но Златомира уже всюду тянула к кострам какая-то бойкая чернавка. Чужачка же, вопреки ожиданиям, стояла в стороне. Она зябко обнимала себя руками, кутаясь в сумерки. Теперь, в длинной белой рубахе и с тяжелым венком на распущенных волосах, она почти не отличалась от местных.

«Сей наряд ей куда больше к лицу, нежели те грубые мужские порты», – невольно подумал князь, издали изучая гостью. В этом обличье она казалась хрупкой и беззащитной, совсем не похожей на ту дерзкую девчонку, что глядела прямо в глаза в тереме.

Его раздумья прервал старший дружинник. С широкой ухмылкой он протянул две полные чарки:

– Княже! Испий с нами меда в честь Солнцеворота! За землю нашу, за силу твою!

Остальные воины согласно заголосили, вскидывая ковши. Мирослав принял чарку и под одобрительный гул дружины выпил мёд залпом, чувствуя, как по жилам разливается густое тепло. Мужчины обступали его, хлопали по плечам, перебрасывались короткими фразами о завтрашней охоте и видах на урожай.

Вскоре в кругу объявился и Златомир. Он тут же перетянул всё внимание на себя, приправив очередную байку крепким словом. Дружина взорвалась хохотом и свистом. Мирослав, улыбнувшись шутке друга, обернулся к тому месту, где стояла Маша, но берег был пуст.

Он обшарил взглядом толпу у костров, но тщетно. Разве можно было теперь отыскать одну-единственную девушку, которая слилась с сотнями других, одетая точно так же, как все?

Пока Златомир развлекал воинов очередным байками, князь незаметно скользнул в тень, уходя к самой кромке воды. В это время к костру дружины подплыла Милана с венком в руках. Она лихорадочно озиралась по сторонам, явно выискивая знакомый силуэт, и что-то нетерпеливо спросила у воеводы. Злат ответил ей коротко, отчего мужчины снова взорвались дружным хохотом, а рассерженная красавица, круто развернувшись, скрылась в толпе.

Мирослав невольно усмехнулся: наверняка его искала, хотела «случайно» вручить свой венки. Вовремя же он ушел.

Князь медленно побрел вдоль берега прочь от праздника. Веселиться не хотелось – шум и хмельные крики лишь бередили старые раны. Хотелось тишины и запаха речной воды, свободного от гари костров. Его обогнала стайка парней, с разбегу нырнувших в темную гладь – значит, обряд начался, девицы стали бросать венки.

Мирослав миновал громаду храма, возвышавшуюся над обрывом, и обернулся. Здесь, в густой тени береговых ив, он был совершенно невидим. Вдали, на фоне ревущего оранжевого пламени, плясали черные силуэты, доносился приглушенный плеск и отголоски песен.

Князь улыбнулся краем губ, продолжая свой путь вниз по течению. Праздник и впрямь выдался на славу. Даже белое пламя снизошло на алтарь – знак, которого Мирослав, признаться, уже и не чаял увидеть. Третью зиму он жил с клеймом проклятого, считая свой род обреченным, а землю – умирающей. Но сегодняшний огонь... Глядишь, и впрямь еще не всё потеряно. Глядишь, боги еще не отвернулись от Верхолесья.

Мирослав подошел к самой кромке воды. Река тихо журчала, обдавая лицо желанной прохладой, в прибрежной траве надрывно стрекотали цикады, а горизонт уже начал подергиваться предрассветной синевой. Красота-то какая... Сердце сжалось: как уберечь всё это? Как не дать скверне пожрать последний живой лоскут земли?

Князь тяжело вздохнул и опустил взгляд. У самых его ног, запутавшись в прибрежных камышах, сиротливо покачивался чей-то веноч. Мирослав горько хмыкнул. «Поднять, что ли? Осчастливить какую девицу?» – пронеслась лихая мысль. Но он тут же одернул себя. Не осчастливит. Весь Стародуб знает, что род его бесплоден, а скоро, глядишь, и княжить будет нечем – скверна не знает жалости. Хорош же жених: ни детей, ни земель...

Он уже хотел отвернуться, но внезапно замер, вглядываясь в переплетение потемневших трав. Брови его стремительно взлетели вверх.

Среди увядшей Иван-да-Марьи и полыни отчетливо выделялись кожистые, резные листья. Дубовые. Лишь у одной девушки сегодня в венке была священная зелень. У чужачки.

Мирослав, повинувшись безотчетному порыву, наклонился и выудил веноч из воды. Осторожно отряхнул капли и налипший песок, замерев в нерешительности. Оставить здесь? Бросить обратно в поток?

Он резко тряхнул головой и, сжимая находку в пальцах, размашистым шагом направился к терему. Нет, это не случайность. Это – знак! Боги сегодня и впрямь явили милость: сперва белое пламя на алтаре, теперь – её веноч, приплывший прямо к нему в руки из ночной темени. Должно быть, девица и вправду та самая, из пророчества. Единственная, кто сможет спасти его княжество.

Этой ночью, впервые за многие луны, кошмары и удушливая бессонница не тревожили князя. Он спал глубоко и спокойно. И снился ему Великий Дуб – живой, могучий, шумящий изумрудной листвой под мирным солнцем.

Глава 6

Проснувшись, Маша сначала не поняла, где находится. Она лежала с закрытыми глазами, и до слуха долетали трели птиц. Лежать под одеялом было тепло и уютно и вставать совершенно не хотелось. В этом переходном состоянии между сном и реальностью где-то на задворках сознания продолжали мелькать картинки из снов. Ей снился огромный могучий дуб, от которого исходила древняя сила. Он шелестел своей кроной и будто звал ее к себе. В этом шелесте ей чудились слова, которые никак не получалось разобрать.

В какой-то момент громкий звук резко выдернул Машу из этого полусонного состояния, и она окончательно проснулась. Открыла глаза, и осознание происходящего быстро нагнало ее. Она была не дома – она лежала на кровати в светлице в княжьем тереме. Вчера она провалилась в чужой мир и все еще оставалась в нем. Все это походило на затянувшийся кошмар, сон во сне. Весь уют и благодное состояние как рукой смело. Птичьи трели уже не казались такими радостными и приятными. Настроение резко упало.

Единственным плюсом было то, что она быстро уснула и совершенно не просыпалась посреди ночи. Чего давно с ней не было – в городе у нее почти постоянно была бессонница, невозможно было уснуть по несколько часов, а если и удавалось, то ее вечно будили посторонние звуки. Тишина здесь была как в деревне – никакого транспорта, алкашей под окнами и криков соседей. Прележав в раздумьях еще с пятнадцать минут, девушка решительно встала с кровати. Чем быстрее встанет – тем быстрее начнет выяснять, как отсюда выбраться.

Маша расчесала волосы, скрутила их в привычный пучок на затылке, умылась ледяной водой.

«Вот тебе и любимое двухнедельное отключение горячей воды», – подумала она после того, как свело зубы холодом. – «Представь, что ты в гостях у бабушки в деревне», – продолжала подбадривать себя она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.